

An impressionistic landscape painting by Natalia Shimonova. The scene depicts a vast, open field with a path leading towards a line of trees in the distance. The sky is filled with dramatic, swirling clouds in shades of blue and white. The foreground is dominated by vibrant green grass, interspersed with patches of yellow and brown, suggesting fallen leaves or a specific type of vegetation. The overall style is characterized by visible brushstrokes and a rich, textured color palette.

Наталья Шимонова

РАССКАЗЫ
ИЗ ЛЕВОГО КАРМАНА

Придуманные
истории

Наталия Шимонова

**Рассказы из левого кармана.
Придуманные истории**

«Издательские решения»

Шимонова Н.

Рассказы из левого кармана. Придуманные истории /
Н. Шимонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908528-3

Эти истории, отчасти придуманные, а отчасти правдивые, дань жанру новеллы. В них есть место и доброму юмору, и светлой грусти, и даже трагедии... Тут всего понемножку: доставай рассказы из левого кармана и читай их потихоньку и с удовольствием!

ISBN 978-5-44-908528-3

© Шимонова Н.
© Издательские решения

Содержание

Байки деда Семена	6
Случай в леспромхозе	6
Случай второй. Иван и Малика	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Рассказы из левого кармана Придуманные истории

Наталия Шимонова

© Наталия Шимонова, 2018

ISBN 978-5-4490-8528-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Байки деда Семена

Случай в леспромхозе

Мужики у нас в леспромхозе любители насчет сказок. М-да... Ну, это понятно, что после литра беленькой то про домового, то про лешего заведут, а чаще так про инопланетян и человека снежного, по науке – йети. Кто бабку-ведьму какую вспоманет, кто чего ещё. Опять же про курганы баек много. Их у нас тут немало находят учёные. Ну и про русалок, а куда без них? Баб-то тут, на вырубках, почитай что и нет. Ну вот об русалках и болтают. Всё обсуждают: ежели у ей хвост, то как её лучше употребить? Паскудство одно. Н-да... Да только понятно, что до добра такие разговоры не доведут. Тут на днях Васька Овдокимов с Сенькой Шпалиным по лесу плутали.

«То лешак вас водил!» – заявил дед Семен. – «Точно говорю. А всё через то, что как есть вы безбожники».

Посмеялись мы, конечно, над дедом. Потому как никакой не леший их водил, а глаза они с вечера залили, так и проплутали ночь. Хорошо хоть не сгнули, а спяну завалились спать у речки, ну, а поутру по течению до вырубки и дошли. Но дед Семён всё не унимался. Как затеют мужики языки чесать, так дед всё вороном и каркает: молчите, дескать, скудоумные, неча беду кликать! А тем хоть бы что. И рады про всякую дрянь языками хлопотать. Слушал это дед Семён, слушал, да и однажды вот что сам рассказал. В назидание, так он выразился...

Аккурат сразу после войны, когда прошла полная демобилизация, в наши края много мужиков завербовалось. Среди них и парень по имени Михайла Горобец. Известное дело, воевал, наград много, ранен был. Сам родом откуда-то из Прикарпатья, видный такой собой, чернявый. Ну, одним словом, красавец. Девки наши от него как мухи млели. А он девок всё стороной обходил, всё в лес норовил, на вырубку. За то местные в конце концов прозвали его бирюком и чёртом. Тому, конечно, хоть бы что. Бирюк и бирюк. Девки помаялись и тоже перекинулись на тех, что поговорчивее в любовном вопросе. А Горобец уж совсем в леса подался. На вырубке спит, на вырубке ест. Котелок там у него, крупки малость, сала там... ну, чего полагается, одним словом.

Однако случилась у нас одна девка, что на него крепко глаз положила. И ей обидно: как это он, такой разэтакий, её всё стороной обходит! Не иначе бегаёт к нему на вырубку какая-нибудь девка, аль бабёшка из соседнего хозяйства. Мало ли их там – безмужних вдовушек после войны? Решила девка эта (звали её, так скажу, Сталена, в честь Сталина и Ленина) выследить что да как. Да по комсомольской линии его и прижучить. Чтoб неповадно было по чужим бабам блудовать, когда свои леспромхозовские есть.

Сказано – сделано. Только бирюк опосля побывки на вырубку наладился, Сталенка платок на голову потеплее надела, валенки на ноги, тулупчик на себя – и тишком за ним.

Ну, пришла... Глядит. У Михайлы шалашик, слышь-ко, дельный, хозяйство кой-какое. Сталена, стало быть, всё обсмотрела, да и сидит себе в кустах – мёрзнет. Известное дело, надолго ли бабьего духу хватит? Комсомольский-то у ней минут чрез тридцать весь выветрился. А Михайла каши поел, чаю выпил, да за топор взялся. Обрубает себе сучья на поваленных деревьях, посвистывает. Сталена мёрзнет, да злится. Уж совсем собралась она было уходить, как вдруг слышит – похрустывает вроде что-то, ровно по снегу валеночками топ да топ. Смотрит – баба! Как есть – баба! Кровь у ней к сердцу прихлынула и враз Сталена согрелась.

«Э-э», – думает, – «Права я оказалась!». Бабёшка-то пришедшая ей вовсе с лица будто не знакома. «И не наша», – смекает Сталенка, – «Да и не соседская... Откудова ж такая?»

Между тем бабёшка к Михайле шмыг, и ну зачала его обнимать, да целовать, как ей за это денег платят. И он не отстаёт, и всё её к шалашику подталкивает. Оно понятно, для чего. На холоду любовь делать ему несподручно. Сталена от злости сделалась как сама не своя. Как выскочит она на них из-за кустов, как крикнет:

– Ах, ты, Михайла, паскудник! Да я тебя по комсомольской линии так протащу, что жива места на тебе не будет! И когда ты тут только план выполняешь, если у тебя кобелизм один на уме! Да и план-то у тебя – липовый!

Михайла, понятно, от неожиданности оробел. Но тут бабёшка пришлая поворачивает лицо своё к Сталенке, усмехается и говорит:

– Ты, касатка, пошто разоряешься? Откуль таковая комсомолка взялася тут? Место енто – моё, и тебя мне тут ненадобно. Вишь, кавалера мово как спужала! На что он теперь годеен?

И с этими словами подошла бабёшка к Сталенке, да рукою её легонько по лбу и отвесила. Сталенка навзничь в сугроб без памяти повалилась, а бабёшка пропала с глаз, как не было её.

Михайла едва очухался, как бросился к девке: по щекам её колотить, снегом тереть, а она как мёртвая. Он её в леспромхоз приволок, на лечпункт. Там крутили-вертели её – ни в какую! Пришлось им Сталенку в больницу в область отправлять. В больнице доктора её в чувство привели, конечно, но в ум она ещё не скоро вошла. Такое городила – просто страсть! Михайлу в милицию забрали: что случилось, дескать, давай, сказывай! Никто ему не поверил сначала. Думали, что сам он Сталенку побил. Или даже ссильничал. Но доктора сказали – не было ничего такого, и Михайлу отпустили. Он тут же расчёт взял и поминай его как звали.

Мужики сказывали, что к ним после того лесная та бабёшка хаживала, всё будто Михайлу искала. Да только никакая она не баба была, а самая настоящая лешачиха, и было это всякому видно. А Михайле нечисть лесная глаза для того отвела, чтоб было ей с кем лешачий род свой продлить, ну и удовольствие справить, не без этого, конечно. А Сталенку через её комсомольство да некрещённость ума лешачиха напрочь лишила. Та потом завсегда странненькая была. Всё хихикала да подмаргивала. А вы говорите – спьяну. Не-ет, сынки, не спьяну. Сила нечистая вокруг бродит и всех некрещеных без разбору хватает.

– Ну, дед Семён, и горазд же ты заливать! – рассмеялись мы на этот рассказ. – Баба эта лесная, поди, с какой деревни шастала. А у деревенских баб известно ручищи какие! Закачала девке промеж глаз со всей дури, вот та и сдвинулась!

– Нету никаких лешаков, всё это брехня! – прибавил Васька Овдокимов.

– Ну, ну... Брехня... Умники!

Дед Семён обиделся, плюнул и затянул свою самокрутку. А мужики долго ещё смеялись на его рассказ.

А по весне Васька Овдокимов, Сенька Шпалин да Котька Козлов, что смеялись-то больше всех, утопи в болоте. Вот и весь сказ.

Случай второй. Иван и Малика

М-да... Стало быть, весна пришла... Как только засвистал, защелкал в кустах соловей, да задухарилась лесная черемуха, тут же парни наши леспомхозовские засуетились. И кто во что горазд, ты подумай! Ну, перво-наперво бороды обрили. А Васька Чоботов достал из мешка свои хромовые сапоги, начистил их до блеску и в таком вот виде, заправив за голенища брюки и надев поверх рубахи пинжак, а на голову натянув кепку, наладился бегать в соседнее сельцо на танцульки. За ним и прочие умельцы потянулись. До блеска Васькиных сапог, конечно, не дотянесся, однако ж с девками погузоваться всем охота. Дело обыкновенное. Дед Семён тоже раздухарился. Сидит с трубкой вечерами, да байку за байкой травит. Парни слушают, хмыкают, да на танцульки бегут.

– Не верим мы, – говорят, – онако ж твоим байкам, дед!

– Неуки, – говорит дед Семён. – Не веруют... Фомы! Скажите, пожалуйста! Ну и будя вам, стану я на вас размениваться!

– Дед Семён! Не гнушайся! Уважь! – говорят те, что постарше, и слушают.

И дед Семён старается и одну за другой байку рассказывает. Как-то раз по дождливому времени парни остались на лесосеке. Даже Васька сапоги свои хромовые пожалел и никуда не пошёл.

– Эх, – говорит, – Лариска в город укатила, а на иных мне смотреть нонеча охоты нету. Не кажутся они мне!

– Скажи-ка, не кажутся! – встрял тут дед Семён. – Ишь, разборчивый какой!

– А и разборчивый, – Васька грудь колесом выпятил, ровно дутьш, и важно так на деда смотрит.

– А что ж Лариска? Пошто ты, охламон, на ей не женисси?

– Вот ещё! – напыжился Васька. – Стану я молодые свои года на этакое дело переводить! Мне погулять пока охота!

– Погуля-ать... – протянул дед Семён. – Ишь, ходок какой выискался! Да разборчивый какой! А я счас тебе историйку побаю. Вот ровно про такого разборчивого, как ты. А? Как?

– Давай, дед! Давай! – стали все его упрашивать.

Скучно же на лесосеке в дождик-то мокнуть! Ну, уселись мы под навес, однакоч, бывалым делом костерок развели, самокрутки закурили, и дымок сизый так ровнёхонько на волю с-под навесу потянулся. Дед Семён за трубку принялся, крякнул и говорит:

– Ну, что жа... Парни народ глупый, что и говорить...

– Ну, ты, дед скажешь! Это девки народ глупый! – зашумели тут все, кто во что горазд.

– Цыц! – крикнул дед Семён. – Ишь ты! Ужо я вас! Знаю або, что говорю! Не пустобрёх ведь! Не емеля какая! Говорю, глупый, стало, так и есть! И через баб глупеют раз во сто! Как если он сам по себе наособицу, али с товарищами, так ничо, человек верный! А как до бабьего полу дойдёт, так и куды разум деваётся? Во – вопрос! Научной... – дед Семён поднял палец к небу.

– Научный! – рассмеялся тут инженер Серёгин. – Скажете тоже, дедушка! Нету такой науки, чтобы занималась этакими делами!

– А и зря, что нету. Оттого и есть дело такое наше пропащее. Ежели б знали, как уберечься от бабьего полу, то иной бы расклад на земле пошёл. А так... – дед махнул рукой.

– Да ты говори толком, дед Семён, ты на что это намёки кидашь? – зашумели парни.

– А вот, однако, послушайте!

Дед Семён затянулся как следовало из своей трубки, приосанился и начал говорить...

– Было это годков этак с десять тому назад. Леспромхоз наш тогда гремел на всю округу. Одних только почётных грамот собрали, не соврать, штук пятьдесят! Да переходное красное знамя. Соцсоревнование, оно, брат, дело не шуточное. А мы – первые в районе! И был у нас тут паря один справный, по имени Иван. Иван тот был с-под Воронежу. Сам собой красавец редкостной: кудри золотые, глаза синие, ровно васильки. И, хоша руки крепкие и сам он таков был, что любую корабельную сосну в одиночку завалить мог, на вид притом был тот Иван совсем не кабанистый. А даже напротив – такой, ну... как обсказать... ну, – дед Семён посопел, – ну, ровно ваза стеклянная. Однакоим словом – худощавой да необстоятельной. Ну, то-иссь, как сказать... Не бугай, одним словом. И росту малого. На тот рост многие налетали, и по первой всяк тянулся Ивану личность набить. Покуражиться. Но Иван в обиду не давался и Козлова Петра, кабанищу здоровенного, раз отходил для примеру от всей души. С той поры Ивана совсем задирать перестали. Среди девичьего народу Иван тоже прославился. Глаза-то синие – ух! – смотрит ими ён, окаянец, а девки так и тают, так и тают! Ровно мухи! И комсомолки, и молодки, да и мужатые крепко бабы тоже от его взгляду маненько того... Притаивали... М-да-а...

Дед Семён зажмурился и пыхнул трубкой.

– Вот этакий был тот Иван. Однакоим словом – Иван-царевич. И вот случилось такое дело, что в соседнем сельце семья одна проживала. Во время войны они туда приехали и так там жить наладились, что и уезжать не хотели. Семья была непростая. Не то, что наши, русопятые. Нет, совсем не то! Были они, как говорил наш комсорг (а он учёный товарищ был, с Москвы присланный) горцы, с гор Кавказских. Ну, точнее не скажу. И чего их нелёгкая сюда занесла – того не ведаю. А вот – занесла. И так они тут сроднились и прикипели, что почти своими стали. Главу семейства ихнего прозывали Юсупом Юсуповичем. Супружница его звалась попросту Раиса Ахметовна. Сынок был у них Ваха и дочка Малика. Сынку тогда было годков этак с пятнадцать, а дочке – семнадцать сравнялось. Невеста, одним словом. И вот жили они тут жили, а потом вдруг раз, и домой засобирались. Юсуп тот говорит – хочу, дескать, помереть на родной земле. Да и детям там лучше. Там и родня, и всё. Малике, говорит, уже и жениха хорошего я нашёл. Достойного, одним словом, человека. Звать его Али Мехмудович, он там у нас в райсовете работает председателем. Вдовец. И годов ему мало, всего сорок. Ну, куды там, мало! Наши бабы да девки как услышали, и ну шептаться по углам: как же! Семнадцатилетней тетёрочке старого бобра. Однако ж, в глаза все молчат и перед Юсупу только кивают: дескать, прав ты, Юсуп, на родине-то оно как сподручно! И смерть на ей красна. А втайне, конечно, Малику жалеют. А девка, сказать, красавица была! Собою уж больно хороша. Тонкая как тростиночка, задорная такая, глаз чёрный с огоньком! Я, однаконешно, люблю, чтоб девка подродней была, – прижмурился дед Семён. – Я хлипких не очень уважаю. Но всё едино скажу, что Малика эта была собою раскрасоточка, чистое яблочко наливное, и ни на кого из наших девок не похожа. Хорошая кралечка. И наш Иван, как увидал её, тут же в неё и влюбился. Ну, влюбился – не влюбился, а заинтересовался и даже так, что сверх меры. Да и она на него поглядывала. Глазками так постреливала, но заговаривать боялась. Уж больно Юсуп на этот счёт строг был.

Одначе, как Юсуп строг ни был, а кралечка эта – Малика – всё на Ивана глазом этак косила, да постреливала. И хочется ей, и колется, и тятя не велит, как говорится. И Иван ей, значит, мосты наводит. Тишком, да украдкою, а сговорились они на встречу. Ну, покурлыкали там о том, да о сём. Он её стал на танцы зазывать. А Малика эта ему строгонько так отвечает следующим порядком, дескать, папаша, мол, на енто дело сердится и не пуцает, и даже побить может за послушание.

– Ну, уж и побить! – сумлевается Иван. – Дело-то, в общем, обнакновенное и вовсе не срамное, танцуйки-то!

– Не велит, – говорит Малика. – Нет, никак не велит! Вера не позволяет.

– Какая-токая вера? – дивится Иван.

Онакоч, вот так слово за слово они и стали, ну, как сказать, хороваются. А Малика девка строгая оказалась! Никаких глупостей до себя не допускала, а после всего и объявила: бери, мол, меня в жёны, Иван! Сделай такую милость! Я любить тебя стану, заботиться об тебе. И то сказать: дело верное. Коли любишь девку, так и женись на ей! Но на Ивана тут размышление нашло и даже, сказать так, слабость напала. Хорошо девка, да и нравится. Но жениться... Сколь Ивану годов? Двадцать три. Хоша и не так, чтоб совсем молодой, но и жениться бы можно не торопиться. Опять же, Юсуп Юсупыч... Боязно супротив него идти. А Малика-то говорит, что от папаши тишком жениться надо. А ну как осерчает Юсуп, да по кавказскому обычаю, о котором в книжке поэта Лермонтова писано, вынет кинжал, да и порешит Ивана за поругательство. Опять же, вера какая-то у них странная. На танцульки нельзя пойти! Где ж такое видано! Уж давно и попов всех разогнали, и вот уж в космос человек слетал, и уж доказано, что все эти дедовские байки вздор и нету ничего. Да и молодежь теперь такая боевитая: вся в комсомоле. Кто ж теперь во всяких таких делах отцов слушается? Говорит Иван Малике: поехали на стройку, на БАМ. Завербуемся, пообсмотримся, а там уж и поженимся. Нет, отвечает Малика, не пойдёт так с тобой у нас дело. Стройка дело хорошее, но никуда я не поеду с тобой, если ты на мне не женишься. Тут уже и время подошло Юсупу с семьёй с места сниматься, а Иван не мычит, ни телится. Малика же оказалась девка, ух, сурьёзная! Коли, говорит, не по моему, так и никак не будет. А ведь всё ждала до последнего, что Ванька ей расписаться предложит. Не предложил. И вот в последний самый вечер выбегает эта Малика из дому и напрямиком к Ивану.

– Упросом тебя прошу, – говорит, – ведь люблю я тебя! Что ж ты, окаянный гад такой-сякой, душу мне мотаешь? Ведь уезжаем завтра! Да и всё! Выдадут меня там замуж, и жизнь моя совсем поломаётся!

А Иван всё своё гнёт:

– Люблю тебя, но жениться теперь никак не могу. Поедем на стройку, завербуемся, а там и поженимся! А хочешь, по комсомольской, аль по партийной линии на отца твоего воздействуем!

– Эх, дурак ты, Ваня! Совсем дурак. Что отцу моему твоя партийная линия? Ну, решай!

– Нет. Не могу. Да и негоже это, чтоб девка в этаким деле на парня давление оказывала!

– Давление... Это на тебя комсомольский актив давление оказывает, а я люблю тебя, – говорит, а сама руками его так и обвивает.

Но Иван держится, слабины не даёт.

– Люблю, – говорит, – тебя. Но жениться не стану. И не проси!

– Ну, будь по твоему! – говорит ему Малика. – Только вот попомни мои слова. Как ты мою жисть всю как есть поломал, так и тебе счастья не видать. Коль ты такой трус, то счастья тебе не полагается!

И плюнула прямо ему под ноги. С тем и ушла.

Уехал Юсуп, уехала с ним и Малика. А Иван остался у нас, на лесозаготовках. И вот стали мы примечать, что с Иваном будто что неладное творится. Ходит, как сам не свой, а опосля и попить начал, чего за ним никогда, правду сказать, не водилось. Ну, врать не стану. Рюмку когда-никогда принимал, а чтоб крепко выпивать – таковского не бывало. Мы к нему с расспросами. Он молчит. Знамое дело, таится! Однакоч, был у Ивана дружок один закадычной, Сашка Чобот. Сашка тот и донёс до общественности, что Иван будто сказывал ему, что пьёт с горя. Что Малика ента самая ему кажный день мерещится, и чрез то он сознательность свою и потерял, чрез то и пить начал. Иван, дескать, говорил Чоботу так:

– Иду, мол, я по просеке. Смотрю – сосна. Беру пилу (известное дело, пила «Дружба», штука хорошая), подымаю её и эдак на сосну наставляю. И уж было совсем её допилил, как тут

из сосны той, из ветвей её, смотрит на меня Малика, грустно так смотрит, и говорит: «Иван! Ты жисть мою поломал... Счастья тебе не видать!».

По первости как Иван такое увидел, так его чуть сосной не завалило. Чудом спасся! Потом, хоть и с опаской, приступил обратно к делу. И то! План-от надо выполнять по соцсоревнованию! А ему обратно – морок! Говорит: «Счастья тебе, Иван, не полагается!» и хохочет так заливисто! Ну, с энтакого кто хошь запьёт! Стал Иван с лица спадать, с доски почёта его, одноконешно, сняли. Во-первых, за пьянку. Ну, а во-вторых, план не выполнял. Да какой там план! – дед Семён махнул рукой. – Воробышкины слёзки! Уж его и на партсобрании песочили, и через профсоюзную линию увещевали. Даже дохтуру показывали. Ничего! Вижу, говорит, Малику, и деревья рубить не могу. И точка. Вот так вот минул год. И докатился до наших краёв слух, что будто бы Юсуп на родине помер, а Малика замуж вышла за того самого председателя райсовета, за которого её отец сватал. Вот и весь сказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.